

КОВА

Немцы велели нам возродить «Вишневый сад»

5 и 6 октября на сцене МХАТ имени Чехова актеры берлинского театра «Шаубюне» играли чеховский «Вишневый сад» в постановке Петера Штайна. Спектакль стал настоящей сенсацией. За последнее время не было ни одного представления, на которое бы в полном составе стеклась вся московская бомондная тусовка. Зрители в буквальном смысле слова висели на люстрах. Впрочем, тусовка оценила увиденное неоднозначно. Многие кривились, утверждая, что спектакль значительно уступает штайновским же «Трем сестрам». Но эксперты "Ъ" отнеслись к «Вишневному саду» более снисходительно, прочувствовав в немецкой интерпретации пьесы волнующие их мотивы. Спектакль посвящен катастрофе, некогда постигшей российскую культуру.

Дом Гаева и Раневской на сцене — это не театральная декорация и даже не павильон киностудии. Это настоящий дом с облупленной штукатуркой, подтеками на потолке, запотевшими окнами; с вишневым садом, хорошо видимым через открытую балконную дверь. Из двери в зал врывается свежий воздух. Следуя режиссерским разработкам Станиславского (с некоторой даже маниакальностью), Штайн делает спектакль в духе образцово-показательного натурализма эпохи модерна. Зрители чувствуют аромат духов из открытой сумочки Раневской, вонь Яшиных сигар, запах крепкого кофе. Во втором акте — это благоухание свежего сена и даже учуенное некоторыми экспертами навозное амбре. Ощущение реальности происходящего усиливается тем, что действие одновременно происходит на разных участках сценического пространства. Возникает впечатление, что жизнь персонажей продолжается и после того, как занавес опущен. Возможно, именно этот эффект создает для наивного зрителя соблазн воспринимать происходящее как бытовую драму.

Известный театральный критик Наталья Крымова в Дневнике Фестиваля, издаваемом журналом «Московский наблюдатель», упрекнула Штайна в «отсутствии прорыва в поэзию, философию», в решении концепции пьесы «на уровне элементарного бытового правдоподобия», не придав значения таким мизансценам, как финальный уход Гаева и Раневской, живо похороненный Фирс, рушащееся вишневое дерево. Собственно тут и раскололась московская тусовка, часть которой не поняла образа Лопухина, трактованного Штайном, может быть, слишком жестко. Это не зарождающийся российский предприниматель (с коим у нас сейчас связываются столько надежд), а вышедший прямо из Мережковского «грядущий хам», уничтоживший раневских и вишневые сады, т.е. «культуру» и «духовность».

Приветствуя немецких артистов и режиссера, Иннокентий Смоктуновский сказал: «Вы показываете нам, какие мы есть». Ту же мысль Марк Захаров выразил еще определеннее. В Дневнике Фестиваля приведены его слова: «Немцы объяснили нам, что мы должны возродить утерянный вишневый сад».

Ш.Т.